и продолжалъ оную до глубокой старости, но не могъ уже возвратить ни потеряннаго времени, ни разстроеннаго здоровья претерпѣнными огорченіями.

Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать въ удовлетвореніе семейнаго честолюбія и въ единственное воздаяніе за всѣ претерпѣнныя имъ горести и несчастія, что едва ли гдѣ отыщется въ военныхъ лѣтописяхъ подобный примѣръ, чтобъ четыре родныхъ брата, достигшіе уже до генеральскихъ чиновъ, пройдя безвредно всѣ почти дотолѣ бывшія въ Россіи войны, въ теченіе слишкомъ 25 лѣтъ, въ одно почти время кончили столь несчастливо военное ихъ поприще, оставя въ утѣшеніе роднымъ своимъ и ближнимъ только то, что они пали, защищая мужественно Отечество, Вѣру и Престолъ своего законнаго Государя.

Дневникъ анонимнаго москвича.

Этотъ безхитростный дневникъ анонимнаго московскаго обывателя былъ напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г. Онъ дышитъ глубокой и наивной искренностью, вводитъ во всѣ подробности жизни Москвы, захваченной французами, и во весь ростъ рисуетъ типичнаго русскаго обывателя, волею судебъ попавшаго въ самую гущу грандіозныхъ историческихъ событій.

Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время французовъ, съ 1-го по 21 сентября 1812 года.

1-го сентября, по счастью моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назначa имъ пребываніе въ деревнѣ *Новой*, что по Троицкой дорогѣ, гдѣ бъ они дожидались меня. Но ахъ! сего не случилось: судьба пріуготовляла мнѣ пить чашу горестей, я пораженъ былъ несчастьемъ, совсѣмъ неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая перемѣна: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и безполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного француза, который бѣгалъ, какъ бѣшеный, смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было седмь человѣкъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному французу. Упомянутый непріятель, войдя въ

комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски, и, подумавъ нѣсколько, отвѣчалъ ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ россійскихъ и оружія; потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подалъ ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: «домы ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны». Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смыслу французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бъ дать волю течь слезамъ моимъ. Съ колѣнопреклоненіемъ просилъ Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею.

Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ нанесутъ безпокойство бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ, но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день. Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ французскій офицеръ говорилъ съ нимъ ласково и потчевалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши я съ симъ моимъ родственникомъ разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человѣкъ французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, именно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще вслѣдъ другіе пять человѣкъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей, совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество, и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей французъ отводилъ отъ моего дому,

говоря, что онъ здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерекъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четыремъ французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

мнѣ угрожать опасностью и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе; потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугунъ готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣстъ это готовилось, они между тѣмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ постлать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись оттуда съ одними вязаными перчатками, сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ, и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и

они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не французы жгутъ, а русскіе. Въ сіе время, т.-е. часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія и отпущенія себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронутъ моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. Освободяся отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приближаясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженной мечъ и угрожали мнѣ смертью. Родительница, видя сіе мое несчастье, повергласъ къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали денегъ. При такихъ опасностяхъ желая сохранить я жизнь свою всѣ ихъ прошенія дерзостныя принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копеекъ, кои они брося начали болѣе мнѣ угрожать смертью и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣніи сихъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей, косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рядамъ; находили препятствія отъ лаянія собакъ, не дававшихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріятели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульню и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкѣ находятся французы. Однакожъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время мы тамъ сидѣли, не видавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного француза, идущаго за водою. Поравнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь. Мы, обливая слезами лицо наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріятель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его пришли еще четыре француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что было положено родительницею.

Послѣ сей встрѣчи мы рѣшились идти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ русскихъ, сидящихъ на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ. На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріятели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ притомъ и то, что у моста французовъ великое множество. Рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и разспрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цырульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу: мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; начинало разсвѣтать. При наступленіи дня сошли сверху два француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умнѣе, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; притомъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день 4 числа. Непріятели начали для себя готовить кушанье; изготовя, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семъ домѣ видѣли, что все приходили разные французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда—намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т.-е. на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что, куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Вьющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: «Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всесильною десницей и плѣнники, окруженные отвсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти». Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу какъ будто бы изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семъ домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и цырульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ россіянъ учиненныя, стращалъ меня и, ударя по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю, показывалъ и показывалъ глупую

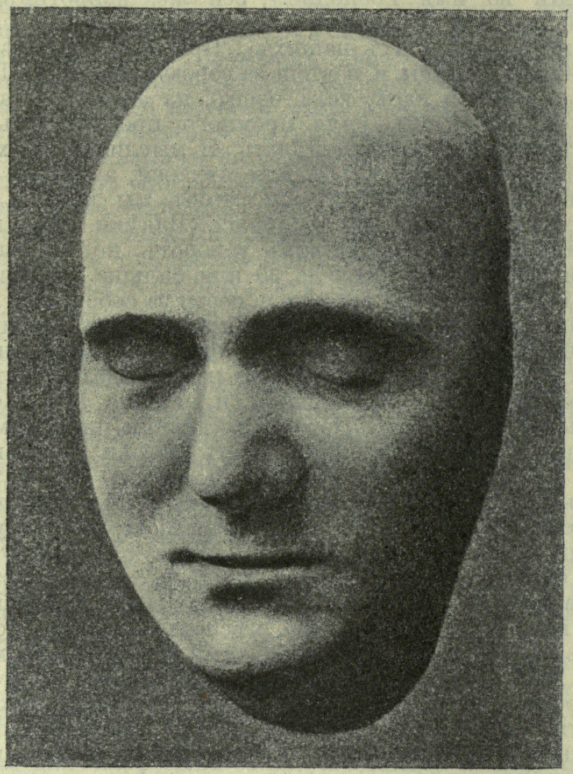
свою храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мною, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностью со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лицо было показываемо исполненнымъ сладострастья: онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина, потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронутъ будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились идти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество.

Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ аминеатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ, и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разсталися. Послѣ сего случившагося со мною несчастья, сошелъ я внизъ и, сѣдши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранялся отъ стужи. Спустя нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріятели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все, и платки, и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскали и ничего не нашли; только у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 руб. и черный платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли.

Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, сбирали насъ, и все разные непріятели. Приходили еще нѣсколько человѣкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожъ послушали меня. Пришедши къ нимъ, увидѣли мы, что вся ихъ комната застлана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ насчетъ дѣвицъ, однакожъ рѣшился остаться и дожидаться, что будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть; и такъ предлагали, чтобъ онѣ принялись за квашни, но женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство отпустили, и мы опять на то же мѣсто пришли и усадились попрежнему. Часа черезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ ужъ бѣдны, что нечего уже

болѣе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы-рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе 6 лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ громко кричалъ: «Прогнѣвался Господь на насъ», повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лицо свое горестными слезами, стоналъ, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сіи: «Господи! Ты встрѣчаемъ былъ младенцами, поющими: «Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!»; сей же, напротивъ, отрокъ, вмѣсто сей радости, оглашаетъ воздухъ горестными слезами и укоряетъ насъ во грѣхахъ нашихъ». При семъ случаѣ пришли къ намъ еще французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя премного предлинныхъ скамей, думали, что съ нами хотѣли дѣлать. Я мыслилъ, не хотятъ ли насъ заставить крошить хлѣбъ для сухарей, а другіе, что насъ для того въ семъ мѣстѣ заперли, чтобъ мы вмѣстѣ съ симъ домомъ сгорѣли. Но мы всѣ ошиблись. Видѣли, какъ выносилъ одинъ французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріятели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда непріятели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и еслибы ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурного и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мнѣ уже не досталось нести мѣшка, а дали намъ нести что-то въ ведрѣ жидкое. Въ оное время видѣли мы своихъ бродящихъ, ищущихъ мѣста, гдѣ бы укрыться; ходили они точно сонные, не понимающіе одинъ другого. Наполненъ будучи симъ, вдругъ увидѣлъ я несходствующаго лицомъ на прочихъ человѣка, который походилъ на евреянина: волосы у него были темно-русые, нѣсколько завиты, росту средняго, носъ съ горбиною, глазами своими смотрѣлъ на меня удивительно; далъ онъ намъ дорогу, дѣлая знакъ, будто и онъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замѣтя его, шелъ тихо и далъ ему пройти. Потомъ тихо сказалъ своему товарищу, поставилъ ведро подъ тѣмъ предлогомъ, якобы мнѣ непривольно нести, а самъ обратилъ лицо свое назадъ и смотрѣлъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лицо, тогда онъ пересталъ смотрѣть и пошелъ прямо. Въ сіе-то время сказалъ я громко: «О Боже! Доколѣ будутъ съ нами встрѣчаться несчастья? Доколѣ будешь Ты наказывать насъ рукою вѣроломнаго непріятеля?» Принесши на дворъ, увидѣли, что мои женщины сидѣли здѣсь у стѣны и слушали худо болтающаго по-русски французскаго какого-то чиновника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотѣлъ. Будучи сжать холодомъ, сѣлъ съ родительницею дальше отъ всѣхъ и закрылъ себя полами ея салопа, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Спустя немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оные мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ го-

ворили, якобы онѣ пошли впередъ, изъ чего ясно узналъ ихъ ложь, что они меня хотѣли отъ нихъ отклонить. Въ семъ случаѣ предался я волѣ Провидѣнія Божія и просилъ ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотрѣть на мой домъ, и они мнѣ дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или идти въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ свой мѣшокъ, въ награду получа отъ нихъ три кренделя. Идя набережной, я обращалъ взоръ свой на всѣ стороны, не познавалъ мѣстъ и дороги, куда мнѣ идти, наконецъ, узналъ,



Маска императора Александра I.

что я у моста Москворѣцкаго, кой уже весь сгорѣлъ. Далѣе продолжая путь свой, встрѣтился со мною злодѣй и заставилъ меня нести за собою свѣчи сальныя. Пришедши въ часовню, непріятель сей говорилъ мнѣ по-русски, мѣшая французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему ничего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся; потомъ онъ вышелъ оттуда и пошелъ, куда ему надобно. Слѣдуя за нимъ съ поспѣшностью, уронилъ я двѣ свѣчи и кричалъ ему, чтобы онъ остановился; поднимающаго свѣчи ударилъ онъ меня дважды палкою, потомъ, ощупывая меня, нашелъ крестъ, сорвалъ и бро-

силъ. Отъ сего я пришелъ во рвеніе и великій гнѣвъ и едва изъ себя не вышелъ: хотѣлъ было наступить на него. Но вдругъ мнѣ пришли на мысль малолѣтнія дѣти мои, привелъ я на память опасность жизни и сиротство ихъ, имѣющее произойти отъ непокорности. Непріятель изъ сего моего поступка увидѣлъ, что я ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: «Ты нашъ?» Я сказалъ ему, что русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: «О, ты голый!» толкнувъ рукой и ударя одинъ разъ палкой, сказалъ: «Поди!» Отошедши нѣсколько, думалъ я: «Ну, ежели попадусь къ такому же злодѣю!»

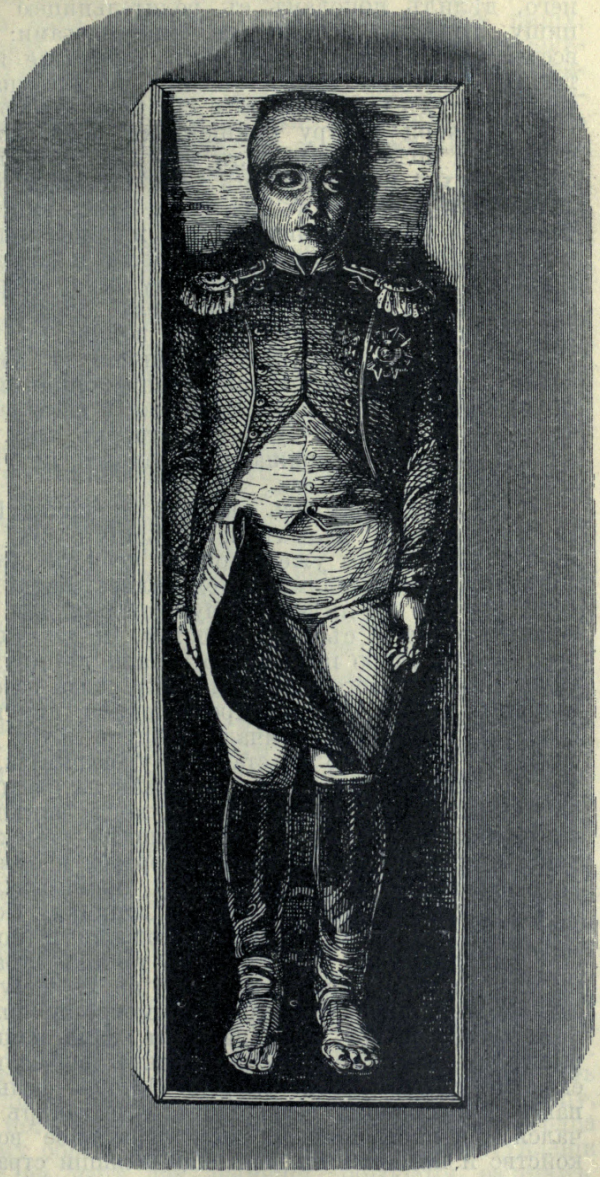
Наконецъ рѣшился идти туда же, гдѣ я сухари носилъ. Не болѣе я отошелъ, какъ шаговъ десять, вдругъ часовой наѣзжалъ на меня и ударилъ прикладомъ такъ, что съ ноги моей соскочилъ туфель; я поднималъ его и получилъ отъ него вторичные удары. Хотя я ему ничего противнаго не говорилъ, кромѣ словъ: «Дай же мнѣ поднять туфель!» но онъ думалъ, что я ему противлюсь, оборотя ружье, хотѣлъ заколоть меня штыкомъ; другой, подскочивъ, съ великою скоростью вынулъ саблю и ударилъ меня по лѣвой рукѣ и по боку такъ жестоко, что я думалъ, будто онъ меня пересѣкъ пополамъ. Снявши съ другой ноги туфель, бросилъ къ нимъ, а самъ пошелъ по тракту, ведущему въ мой домъ, безпрестанно читая молитву: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ!» и проч. и съ сею молитвою дошелъ благополучно до самаго моего дому, не видавъ ни одного француза. Одно лишь эхо въ ушахъ моихъ было слышно: «Наполеонъ». Мечталось мнѣ, будто онъ вездѣ ходилъ и мучилъ народъ христіанскій. Сія мысль происходила отъ безсонницы. Наконецъ, пришедъ въ свою улицу, смотрѣлъ на всѣ стороны, заливаясь слезами; не узнавалъ, гдѣ чей домъ былъ. Самыя трубы мнѣ казались за людей или большихъ гигантовъ, будто нарочно поставленныхъ для караула. Въ какомъ видѣ мнѣ сіе представлялось, въ такомъ и описываю. Въ страхѣ человѣку можетъ мечтаться все удивительнымъ и чуднымъ. Пришедъ къ своему мѣстопребыванію, увидѣлъ, что одинъ только пепелъ тлился надъ нимъ. Тогда-то я сказалъ со слезами: «И вотъ мое имѣніе! Вотъ моя и пища! Вотъ все въ этомъ пеплѣ заключается!» Легши на него, началъ горько плакать; потомъ всталъ и пошелъ посмотрѣть, нѣтъ ли кого. И увидѣлъ вдали человѣка, идущаго прямо ко мнѣ, кой, пришедши, проливалъ со мною слезы. Въ сіе время я былъ внѣ себя и, по долгомъ испытаніи, едва я могъ узнать его: оный человѣкъ былъ господина Нестерова. Я звалъ его въ подвалъ въ домъ Новосильцова, чтобъ нѣсколько успокоиться; пришедъ туда, уснули мы крѣпко.

Поутру 5 сентября всталъ я очень рано, но товарища моего уже не было. Потомъ видѣлъ влѣзающаго ко мнѣ непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвѣтовъ его, узналъ, что онъ былъ полякъ, и потому ударилъ его такъ сильно, что онъ, не могши стоять на ногахъ, упалъ; потомъ, поднявши за воротъ и ударивши его вторично, выбросилъ изъ подвала. По учиненіи сего поступка ясно увидѣлъ, что худо сдѣлалъ. Размышлялъ, какъ бы спастись, и вышелъ въ то же время въ другой подвалъ, скрывшись въ вырытой ямѣ. И здѣсь меня непріятели увидѣли и сыпали мелкимъ кирпичомъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сіи удары едва могъ я вытерпѣть; однакожъ не вставалъ. Они, видя меня не встающаго,

начали ворочать штыкомъ, потомъ сами влѣзли ко мнѣ въ яму, ощупывали меня, ударили и ругали, однакожъ оставили. Послѣ ихъ, спустя нѣсколько, вышелъ я вонъ посмотрѣть, куда бы мнѣ удалиться, и увидѣлъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ русскихъ, стремглавъ пустился къ нимъ и, прибѣжавши, старался подлѣ нихъ сѣсть. Увидѣвъ золу, еще не простывшую, сѣлъ на нее, но и здѣсь непріятели насъ безпокоили и тревожили; даже ни одной не проходило минуты, чтобы они насъ не обирали. Потомъ по приглашенію нѣкоторыхъ пошли мы въ домъ какого-то князя, гдѣ жила мнѣ неизвѣстная нѣмка, знакомая симъ. У ней нѣсколько обогрѣлись и вдругъ увидѣли, что и этотъ домъ зажгли, отъ чего я поспѣшно вышелъ одинъ и пошелъ къ своему дому, гдѣ постоялъ, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедши въ свое положеніе, обратился къ церкви священно-мученика Власія, пошелъ поклониться ему; но, дошедъ къ церкви, увидѣлъ множество прихожанъ другихъ церквей, діаконовъ и священниковъ, квартальнаго поручика съ женою и дѣтьми, коего при мнѣ также ограбили и раздѣвали, оставя въ однихъ портахъ. Въ горячности хотѣлъ было онъ бѣжать и жаловаться ихъ генералу, но злодѣи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье и тѣмъ самымъ его отвратили отъ бѣгства и не лишили жизни. Я съ ужасомъ и трепетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожалъ отъ холода и стужи. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ предалъ себя совершенно промыслу Божію, потомъ увидѣлъ идущую ко мнѣ родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мнѣ, равно и я ей; давала мнѣ, будучи сама томима голодомъ, засохлыя корочки. Я бралъ оныя и дѣлилъ съ нею пополамъ, видя, что и ей себя нужно было подкрѣпить. Посторонніе, видя наше преніе, дали намъ хлѣба небольшой ломтикъ, кой мы принявши благодарили ихъ. Послѣ сего я разспрашивалъ, гдѣ она оставила мать съ дочерью. Она разсказывала мнѣ такимъ образомъ: «Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовалъ намъ слѣдовать за вами тотъ самый непріятель, кой вралъ намъ по-русски, и велѣлъ намъ за собой идти. Пришедши въ домъ, заперъ насъ. Чрезъ нѣсколько минутъ явился въ такомъ же одѣяніи непріятель не тотъ уже, а другой; старался всячески обольщать сію дѣвицу, но не имѣлъ успѣха; обратилъ мысли на служанку, оставя дѣвицу, взялъ ее и дѣлалъ удовлетвореніе своимъ прихотямъ. Потомъ приходилъ оный же французъ къ намъ, стращалъ насъ, кричалъ: «Подпаливай!» Изъ чего мы заключили, что насъ хотѣли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгналъ, а насъ отвелъ въ Воспитательный домъ. И сей дѣлалъ предложеніе оной дѣвицѣ, однакожъ при мнѣ ничего съ ней не послѣдовало. Оставилъ насъ однѣхъ въ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что намъ дѣлать. Наконецъ я рѣшилася идти и искать тебя, и они за мною вслѣдъ шли. На тотъ часъ, по счастью моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилась я бѣжать, а они останавливали меня для отдохновенія; тогда рѣшительно я имъ сказала: «Пусть вы здѣсь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего!» Оставя ихъ, пошла съ рабочей дѣвкой, и тѣмъ она окончила свою повѣсть.

При наступленіи ночи квартальный предлагалъ намъ всѣмъ, чтобъ мы оставили сіе мѣсто и шли бъ съ нимъ въ садъ Кор-

саковъ. На что многіе согласились, и я съ родительницею за ними слѣдовалъ. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имѣли здѣсь кое-что сокрыто и тѣмъ самымъ питались, а у меня ничего не было, кромѣ упомянутой рябины. Началъ сожалѣть о томъ, что ушелъ отъ церкви, и опять рѣшился идти къ оной. Со мной же пошелъ неизвѣстный мнѣ мужчина съ женой и малымъ грудным ребенкомъ. На пути встрѣтился съ нами злодѣй, имѣющій на головѣ шапку архимандричью; я отъ него съ поспѣшностью старался убѣжать. Оставивъ меня непріятель безъ вниманія, приступилъ къ оной женщинѣ, съ ребенкомъ бывшей, снялъ съ нея салопъ, а съ мужа ея — рубашку. Спасшись бѣгствомъ отъ непріятеля, пришли мы опять къ церкви, легли на травѣ, сжавшися всѣ въ кучу, чтобъ тѣмъ согрѣть самихъ себя. При наступленіи ночи видѣли мы одного молодого человѣка, подходящаго къ намъ, ищущаго своихъ родственниковъ и не нашедшаго въ нашей кучѣ. Мы, остановя его, спрашивали, что у него въ подолѣ,



Наполеонъ I въ гробу.

и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ онъ удѣлилъ мнѣ немного. Получивши отъ него, дѣлилъ пополамъ съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицалъ сими словами: «О Боже мой! При всемъ моемъ голодѣ, чувствую омерзѣніе и запахъ отвратительный, худшій самыя падали», и заглушалъ оный заразительный духъ рябиною. Всю сію ночь проводили мы на травѣ.

6 сентября поутру пришелъ къ намъ булочникъ, чухонецъ, и садился подлѣ меня; далъ мнѣ для сбереженія въ мѣшочкѣ горохъ сухой и велѣлъ мнѣ ѣсть. Сіе меня обрадовало, и я почиталъ его посланнымъ отъ Бога. Здѣсь видѣлъ я сосѣда моего учениковъ, приходившихъ ко мнѣ и приносившихъ мнѣ коринки и изюму. Получа отъ нихъ сіе, берегъ и давалъ малымъ дѣтямъ, а матери ихъ и отцы, въ замѣну сего, старались мнѣ давать кто корочку хлѣба, а кто картофелю. Злодѣи же наши не преставали насъ безпокоить: сперва вошли въ церковь, а потомъ къ намъ, обыскивали насъ и, ничего не найдя, ругали насъ; потомъ другіе, третьи и такъ безпрестанно они насъ посѣщали. По прошествіи сего дня хлѣбъ уже у насъ весь изошелъ, только что и былъ у одного булочника горохъ. Онъ хотя и не хотѣлъ дѣлить нашимъ товарищамъ, однакожъ, по увѣщаніи, далъ мнѣ волю быть раздаятелемъ.

7 сентября рѣшились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человѣкъ, и малыхъ и большихъ. Въ семъ священномъ мѣстѣ мы какъ бы уже готовили себя на жертву симъ безчеловѣчнымъ грабителямъ и условились между собою всѣ вмѣстѣ ѣсть, кто что ни имѣетъ. Пріуготовляли для себя пищу самую небогатую и ѣли съ умѣренностью. Но не долго сіе продолжалось. Очень скоро прекратилось наше сіе дружелюбіе: нашло къ намъ народу такого, который нашу связь разстроили, а именно: пьяницы, одинъ другому прекословили, другъ у друга чинили грабежи, ругались и кричали и другъ друга упрекали, словомъ сказать... Я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ни малаго дѣйствія и вліянія не имѣли на сердца ихъ. Тихими и скромными они учинялись тогда, когда видѣли непріятелей. Въ сіе священное мѣсто стекаясь злодѣи обыскивали насъ, такъ, какъ и прежде, искали денегъ, серебра и бумажекъ. Если же у кого находили ключи, то къ тому привязывались и требовали, чтобъ показали имъ сундучки и ящички. Послѣ сего тотчасъ всѣ бывшіе у насъ ключи мы отобрали и покидали. Видѣли и еще приходящихъ, но уже не съ такимъ страхомъ взирали мы на ихъ, какъ прежде, потому что не къ чему уже было привязаться; входили и, нѣсколько посмотрѣвъ, опять уходили.

8 числа, поутру, приходили къ намъ наши русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя; кто и пошелъ, тотъ едва ли спасется отъ смерти. Потомъ услышали мы, якобы нашъ Августѣйшій Императоръ, Александръ Павловичъ, скончался. Сія вѣсть привела насъ въ великое возмущеніе и безпокойство и навлекла на насъ еще большій страхъ.

9 числа, поутру, началъ я читать канонъ Пресвятѣй Богородицѣ. Читая оный со слезами, увидѣлъ вдругъ входящихъ разныхъ націй грабителей, воспрепятствовавшихъ мнѣ болѣе читать и наполнять душу мою симъ усерднымъ моленіемъ; смотрѣлъ на ихъ мерзкія насмѣшки, подобныя діавольскимъ искушеніямъ; видѣлъ, какъ они надругались надъ святынею;

просилъ Бога, чтобъ ихъ не допустилъ скончать дни жизни моея и чтобъ не лишилъ видѣть малыхъ дѣтей моихъ. Сія мысль не только въ этотъ, но и всѣ дни была у меня.

10 числа пошла одна старушка готовить для насъ пищу; нечаянно труба упала на нее; едва только успѣли ее исповѣдать, она умерла. Совершивъ надъ нею службу по долгу христіанскому, положили въ погребѣ. Французы, видя насъ зарывающихъ ее близъ церкви, бѣжали къ намъ съ великимъ стремленіемъ, думая, что мы имущество зарываемъ. Прибѣжавъ, засмѣялись громко и пошли отъ насъ прочь.

11 сентября, всегда поутру, увѣдомляли насъ разные наши россійскіе новостями, возмущающими только насъ, что мы отчаявались выйти когда-нибудь изъ Москвы. Въ сей день пришло къ намъ шесть звѣрообразныхъ непріятелей, имѣющихъ у себя предлинный ножъ. Стали они приставать къ священнику, думая, не спряталъ ли онъ что-нибудь церковнаго. Но сей священникъ былъ сельскій и неученый, не понималъ ихъ словъ; ставъ у царскихъ вратъ, ожидалъ себѣ смерти. Оные враги устрашали его и окровенили предъ вратами царскими полъ, поранивъ ему руку. Отъ всѣхъ сихъ страховъ страдали мы болѣзнью желудочною; да и нечѣмъ было укрѣпиться нашему желудку: въ пищу обыкновенно мы употребляли рѣдьку и картофель, да и тотъ трудно было пріобрѣтать; когда за нимъ ходили, то попадались французамъ: одному снесешь—другой заставлялъ. И такъ опять приходили уже обезсиленными и голодомъ томимыми. Мой же чухонецъ меня не оставлялъ: онъ всегда приносилъ картофель и спасалъ меня и родительницу отъ голода, а я и другихъ снабжалъ. При всемъ же томъ случалось, что мы были дня по три и болѣе безъ пищи.

12 сентября приходили къ намъ нѣкоторые люди иностранные, только не солдаты, кои умѣли говорить по-русски, и дѣлали выговоры намъ, для чего мы не приняли съ честью Бонапарта. «Еслибы вы его встрѣтили со славою и почестями, то не претерпѣли бы такого разоренія». Но я говорю имъ, что таковому завоевателю, каковъ Бонапартъ, не должно бъ совсѣмъ имѣть въ мысляхъ честолюбія и думать объ этомъ, чтобъ его принялъ съ какою-нибудь честью простой и бѣдный народъ, ничего у себя не имѣющій, кромѣ одного только усердія къ Богу и своему Государю. Видѣли мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, былъ великій громъ; мы всѣ пали на колѣни, повергшись предъ престоломъ величества Божія. Діаконъ здѣшнія церкви сталъ у престола Божія съ распростертыми руками; словомъ, всѣ мы молились и, кажется, тогда просили объ одномъ томъ, чтобъ Всевышній показалъ чудо надъ нашими врагами и разсыпалъ бы сихъ жестокосердыхъ враговъ. По прошествіи сея грозныя тучи, приходили непріятели, изъ коихъ одинъ, войдя въ алтарь, увидѣлъ написанную плащаницу, началъ лобызать ноги тѣла Христова, отъ всего своего сердца припадалъ къ сему образу и дѣлалъ поклоненіе. При наступленіи ночи мы видѣли на небѣ два знаменія, подобныя ракетамъ, стоящимъ очень долгое время безъ всякаго измѣненія, и также тонкія и свѣтлыя, какъ пускаютъ ракеты. Сему явленію я не могу надивиться: пожаръ ли былъ сего причиною, или другое какое-нибудь предзнаменованіе? Оставя сіе писать, обращаюсь паки къ собственной своей исторіи.

13 числа пришли наши россійскіе купцы, священники и разные чиновники. Всѣ они были изранены: у кого голова проломлена, у кого рука, кто одѣтъ рогожей,—словомъ, на всѣхъ ничего не было. Если тѣло ихъ покрыто было чѣмъ, то именно ободранными рубищами. Пришелъ сюда и тотъ самый, кой носилъ со мной сухари и ведро. Увидѣвши его, я заплакалъ, и онъ также. Потомъ я спрашивалъ, гдѣ онъ былъ въ продолженіе сего времени, и я узналъ изъ отвѣтовъ его, что онъ былъ въ работѣ у французовъ; надѣялся, говорилъ онъ мнѣ, что въ домѣ господина моего сокрытая мука будетъ цѣла, но, къ несчастію, все разграблено такъ, что я ничего не нашелъ. Потомъ пришелъ другой мой сосѣдъ, столяръ, увидѣлъ меня въ одномъ кафтанѣ и говорилъ: «У меня есть тулупъ калмыцкаго мѣха; возьмите его, хотя отъ него и есть смердящій запахъ», чему я чрезвычайно обрадовался. Какое же удивленіе! Видѣлъ, что оный тулупъ былъ мой; спрашивалъ, какъ онъ къ нему попалъ; онъ отвѣчалъ, что подняли его ученики на улицѣ; надѣвая его на себя, чувствовалъ запахъ весьма тяжелый, отъ коего чуть меня не вырвало, и самые французы, слыша сей запахъ, не отняли у меня сего тулупа.

14 числа обирали отъ насъ непріятели свѣчи, какъ сальныя, такъ и церковныя, и съ оными иногда приходили въ церковь въ ночное время, стращали и били насъ.

15 числа пришли къ намъ ночью двое утомленные силами и хотѣли у нѣкоторыхъ отнимать одежду для подстилки подъ себя, но, видя на насъ худыя рубища, брали ризы ободранныя и ложились на полъ, содранными же съ престоловъ и жертвенниковъ одѣяніями облекали себя и препровождали сію ночь съ нами. Поутру, очень рано, одинъ французъ, вставши, увидѣлъ еще товарища своего крѣпко спящаго и унесъ у него сумку. Чрезъ нѣсколько времени вставшему сему непріятелю сказывали мы, что его товарищъ давно ушелъ и взялъ его сумку и ружье, отъ чего онъ началъ плакать, и видно по всему, что онъ сожалѣлъ о сей потерѣ.

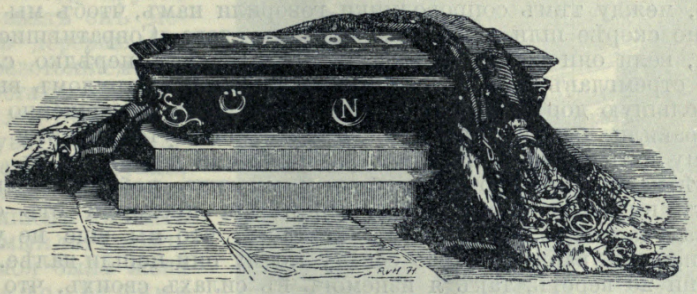
16 сентября начали мы съ собою размышлять, какъ бы удалиться изъ Москвы, ибо опасались, чтобъ не заразиться отъ наполненнаго худыми испареніями мертвыхъ тѣлъ воздуха. Но какъ мы ни думали, но не находили случая выйти изъ Москвы. Посылалъ я родительницу справиться въ Университетѣ, не остался ли кто изъ нашихъ родственниковъ въ ономъ; также еще посылалъ къ Петру и Павлу на Басманную, въ домъ нашего же родственника, купца Нечаева, въ коемъ она нашла родную свою сестру и племянницу, съ четверыми живущую въ подвалѣ онаго дома, и увѣдомляла меня объ оныхъ.

17 числа приходя наши россійскіе увѣряли насъ, что можно выйти изъ Москвы въ ночное время; днемъ же идти чрезъ Лазарево кладбище подъ предлогомъ будто за картофелемъ. Разспросивши подробно о семъ, я рѣшился какъ можно выйти изъ Москвы.

18 числа опять приходилъ къ намъ Спаса-Песковъ дьячокъ и удостовѣривалъ насъ, что онъ трижды изъ Москвы выходилъ и опять въ оную столько жъ разъ возвращался, чѣмъ насъ всѣхъ вывелъ изъ сомнѣнія и подалъ нѣкоторый лучъ надежды душѣ нашей къ освобожденію изъ плѣна. По просьбамъ и убѣжденіямъ нашимъ взялся онъ насъ выпроводить изъ Москвы,

съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ не было съ нами женщинъ, такъ какъ онѣ не могутъ: труды великіе и чрезъ коихъ бы мы учинились жертвою враговъ нашихъ. Услыша сіе, родительница моя рѣшилась остаться, въ томъ намѣреніи, чтобъ вслѣдъ за нами идти.

19 я и надворный совѣтникъ Шараповъ, еще изъ Чудова монастыря молодой дѣтина пріуготовлялись къ выходу изъ Москвы, и лишь только начали употреблять изготовленную нами пищу, вдругъ увидѣлъ я идущую сестру моея родительницы, увидѣлъ и, заливаясь слезами, говорилъ ей, что я сегодняшній день намѣренъ выйти изъ Москвы. И такъ, простившись въ разстроенномъ положеніи съ моими родными, пошелъ въ настоящую церковь, падалъ предъ Спасителемъ, Божіею Матерью и предъ иконою священномученика Власія. Подходя къ улицѣ Арбатской, увидѣли мы множество французовъ, ѣхавшихъ съ фурами, и со страха укрывались за трубы, давъ имъ проѣхать.



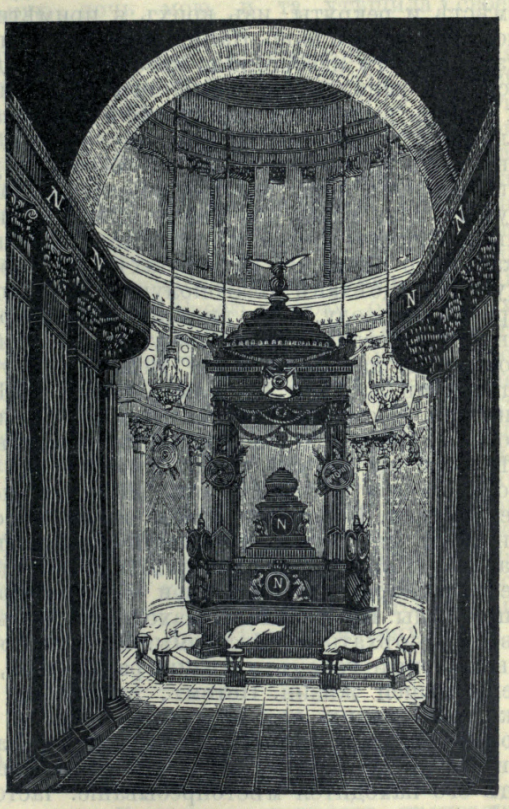
Гробъ Наполеона I.

Наконецъ, пришедши въ приходъ Спаса Песковъ, нашли мы своего путеводителя въ подвалѣ сгорѣвшаго одного большого дома. Пошли въ путь пожарищами, стараясь смотрѣть во всѣ стороны и укрываться отъ злодѣевъ нашихъ. Однакожъ мы, какъ ни старались укрываться отъ нихъ, но повсюду встрѣчали ихъ и отъ взора ихъ приходили въ великій страхъ. Далѣе продолжая путь свой, вышли мы на бульваръ, наполненный мертвыми лошадьми. Послѣ сего опять попадались намъ навстрѣчу подлѣ Страстного монастыря французы, ѣдущіе съ фурами, коихъ лошади едва тащили бремена сіи. При сей встрѣчѣ крайне мы опасались, чтобъ не заставили насъ, вмѣсто оныхъ лошадей, тащить фуры. Бѣжали какъ наивозможно скорѣе къ канавѣ и видѣли, что тамъ наши россійскіе строили на своихъ сгорѣвшихъ мѣстахъ для жилища своего шалаши. Продолжая путь нашъ неудобными мѣстами, наконецъ, пришли въ поле, гдѣ была насѣяна рѣпа; дѣлали видъ, что мы ее собираемъ; между тѣмъ мало-по-малу приближалися къ Лазареву кладбищу. Пришедши сюда, въ страхѣ и трепетѣ обходили оную церковь, и лишь только хотѣли перейти чрезъ валъ, здѣсь имѣвшійся, вдругъ услышали голосъ часового француза, и отъ онаго въ такой ужасъ и робость пришли, что едва не пали на землю. Чувствуя во всѣхъ нашихъ членахъ сильное потрясеніе, едва могли прибѣжать въ лѣсъ за сими нашими провожатыми; такія даже случились мѣста, что принуждены были иногда ползти

шаговъ 50 и болѣе. Версты четыре отбѣжавъ, увидѣли вдали везущихъ нашихъ непріятелей снопы; сѣли у пней, чтобы непріятелямъ не попасться въ руки.

Послѣ сего хотя мы и достигли большого лѣса, однакожъ часто случалось, что принуждены были идти краемъ онаго лѣса, гдѣ видѣли не болѣе отъ насъ разстояніемъ полуверсты огни и непріятельское войско и всячески старались укрываться, заходя въ чащину лѣса. Когда же ночь покрылась совершеннымъ мракомъ, тогда безопаснѣе мы шли, хотя еще и не безъ страха. Прошедши 7 верстъ разстояніемъ отъ Москвы, сопроводники поздравили насъ, что на пути уже почти никакихъ нѣтъ опасностей, но мы еще все опасались. Пришли къ рѣчкѣ, чрезъ которую надобно намъ перейти, и нашли такое мѣсто, гдѣ лежали чрезъ рѣчку перекладины. По нимъ проходили сперва наши провожатые, потомъ я при вспомоществованіи данной мнѣ отъ нихъ палки; за мною и надворный совѣтникъ, кой, при всей моей помощи, упалъ въ рѣку, потому что у него не владѣла одна рука. Встащивши его на крутой берегъ, устремлялись далѣе въ путь, между тѣмъ сопроводники говорили намъ, чтобъ мы какъ можно скорѣе шли и не говорили ни слова. Совратившись съ пути, вели они насъ болотами и кочками, гдѣ нерѣдко случалось стремглавъ падать. Наконецъ, съ великимъ трудомъ вышли на большую дорогу, и провожатые уже здѣсь совершенно насъ поздравили безопасностію и намѣревались утомленному духу своему дать покой. Они здѣсь разсказывали намъ, что въ семъ мѣстѣ наши казаки отбили обозъ и многихъ побили. Слышавъ я отъ нихъ сіе уговаривалъ, чтобъ они поскорѣй отъ онаго мѣста удалились, ибо мнѣ все казалось, что мы еще не ушли отъ нашихъ варваровъ. По совѣту моему они пошли далѣе. Отошедши 20 верстъ, такъ я изнемогъ въ силахъ своихъ, что едва уже могъ идти. Назначенное же нами мѣсто для долгаго отдохновенія еще было разстояніемъ въ 5 верстахъ. Въ семъ случаѣ я ихъ упрашивалъ нерѣдко отдыхать, и сіи 5 верстъ мы шли нога за ногу. Пришли чрезъ великую силу въ деревню, гдѣ дьячокъ не намѣревался еще остаться, но полагалъ свое намѣреніе дойти до села *Медвѣдкова*, въ коемъ онъ всегда имѣлъ свое мѣстопребываніе. Но я, Шараповъ и еще третій мужчина остались въ сей деревнѣ и едва могли себя найти для успокоенія нашего квартиру въ 5-мъ домѣ. Вошедши въ домъ хозяина, увидѣли здѣсь нашихъ солдатъ раненыхъ, ушедшихъ же изъ плѣна. Сіи добрые хозяева, видя насъ изнемогшихъ отъ голода, натирали рѣдьки, дали хлѣба, потомъ молока, и, сею пищею укрѣпясь, мы успокоились. На другой день поутру опять насъ снабжали они хлѣбомъ, и мы, укрѣпивши себя онымъ, пошли въ село *Пушкино*. Но какъ изъ насъ никто не зналъ дороги, то и нерѣдко мы сшибались съ пути своего. Дошедши же къ воротамъ, увидѣлъ я лающихъ на меня собакъ, отъ которыхъ я ушелъ къ оранжереямъ. Встрѣтясь со мною, одинъ человѣкъ побѣжалъ отъ меня, думая, что я французъ. Я началъ просить его, чтобъ онъ меня оборонилъ отъ собакъ. Услыша меня говорящаго по-русски, остановился; потомъ я спрашивалъ его о моемъ родственникѣ, о женѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ; онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что жены моей нѣтъ. Сіе слово поразило меня, точно громовой ударъ. Далѣе продолжалъ онъ рѣчь, что была здѣсь какая-то женщина съ малолѣтними дѣтьми

и уѣхала, не знаетъ куда. Потомъ я его спросилъ, чтобъ онъ проводилъ меня къ моему родственнику, нашедшему мнѣ мѣстопребываніе его сказывали мнѣ хозяева, что онъ пошелъ въ баню. И такъ опять я просилъ сего человѣка, чтобъ проводилъ онъ меня до того мѣста. Увидѣвши меня, родственникъ, едва идущаго, заплакалъ. По долгомъ моемъ съ нимъ разговорѣ товарищи ко мнѣ пришли и говорили мнѣ, что время отправиться изъ сего мѣста. Но я уже далѣе не пошелъ. Простившись съ ними, остался здѣсь съ моимъ родственникомъ, пришелъ на другой уже день; въ половинѣ дня пошли мы въ село *Пушкино* и, купя тамъ баранины, возвратились опять въ *Кудрино*. На другой день звалъ онъ меня въ деревню *Новую*, разстояніемъ въ 4 верстахъ. Въ семъ хотя я и отказывался, чувствуя разслабленіе въ ногахъ, однакожъ пошелъ, и пришелъ съ нимъ въ самый тотъ домъ, гдѣ моя была жена съ малолѣтними дѣтьми. Разспрашивалъ я здѣшнихъ жителей о своей женѣ, и они мнѣ съ великою жалостью говорили, что ваша жена отъ страха, каковой былъ въ то время, едва ли не растеряла дѣтей своихъ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я въ себѣ великій ударъ и нѣкоторую перемѣну; однакожъ скоро опять пришелъ въ прежнее спокойствіе, скидывалъ свои деньги (?), вѣсомъ въ 10 фунтовъ, отдалъ симъ хозяевамъ и просилъ у нихъ на обмѣнъ лаптей, и послѣ сего легъ спать. Проснувшись поутру рано, пошли мы съ родственникомъ въ путь, и какъ слабость моего здоровья не позволяла идти съ великою скоростію, то и нерѣдко сѣтовалъ на меня мой родственникъ. Пришли мы въ Троицкую лавру наканунѣ празднованія Чудотворца Сергія. Отдохнувши здѣсь нѣсколько, пошли опять въ путь и, отойдя 10 верстъ, ночевали. На другой день едва могъ я продолжать путь отъ чрез-



Погребальный катафалкъ Наполеона I.

мѣрнаго изнуренія, однакожъ вознамѣрился идти до самаго Переяславля.

Въ семъ городѣ попались намъ попутчики, ѣдущіе за хлѣбомъ въ Ростовъ, которые взяли съ насъ по рублю довезти до Ростова. Отъ сего я въ себѣ чувствовалъ легость и получилъ слабымъ моимъ силамъ нѣкоторую бодрость, сходилъ въ монастырь поклониться мощамъ святителя Димитрія. Пробывши здѣсь нѣсколько времени, опять пошли въ путь и, отойдя 20 верстъ, ночевали. На ночлегѣ здѣсь ночевали съ нами вмѣстѣ и рекруты, изъ коихъ я примѣтилъ одного съ неумѣренностію пьющаго вино. Напившись, онъ кричалъ, бродилъ повсюду, изъ устъ его извергались сквернословія даже и на насъ. Поутру вставши рано, безпрестанно онъ требовалъ отъ отдатчика вина, и вдругъ выпилъ за одинъ разъ три стакана. Видя его такую алчность и пристрастіе къ вину, говорилъ я отдатчику, чтобы онъ какъ можно его старался сберечь и удалять отъ излишняго употребленія вина: въ противномъ случаѣ обопьется, если ему будетъ дана воля, что въ самомъ дѣлѣ и случилось: услышали мы на дорогѣ о смерти сего молодого человѣка и крайне сожалѣли о немъ. Въ 25 верстахъ отъ Ярославля наняли мы попутчика. Доѣхавъ благополучно до сего города, были мы въ крестномъ ходу, гдѣ видѣли покойнаго принца [1]) и великую княгиню Екатерину Павловну. Послѣ сей церковной церемоніи сошли мы на берегъ рѣки Волги, гдѣ увидѣли многихъ садящихся въ лодку и ѣдущихъ, иныхъ въ Нижній Городъ [2]), другихъ въ Кострому. Сему случаю крайне я радовался и говорилъ хозяину лодки, чтобы онъ насъ посадилъ до Костромы. По привѣту его мы тотчасъ рѣшились сѣсть въ его лодку и ѣхали всю ночь. Стужа и страхъ, отъ волнъ происходящій, крайне насъ безпокоили. Правители были самые неискусные: они не знали ни мели, ни способа управлять хорошо лодкою, часто наѣзжали на пески, стояли на одномъ мѣстѣ иногда часа по два и болѣе, безпокоились, изнуряли свои силы, сворачивая лодку въ глубину воды. Не думалъ я, находившись въ страхѣ съ товарищами своими, доѣхать до Костромы. Но, при помощи Божіей, пріѣхали мы въ оный городъ и крайне радовались, благодаря Бога за спасеніе нашей жизни. Потомъ, взошедши въ гору, выпили нѣсколько сбитню для отогрѣнія себя, и хотя искали въ семъ городѣ общаго нашего благодѣтеля, сказывая его имя и фамилію, но не могли узнать отъ встрѣчавшагося съ нами народа, гдѣ его находится мѣстопребываніе. Часто останавливаемы были здѣшними жителями и разспрашиваемы были отъ нихъ о родѣ нашемъ, и состояніи, и извѣстности. И мы, отвѣчая имъ краткими словами, бѣгали изъ улицы въ улицу и старались сыскать того, кто намъ нуженъ былъ. Наконецъ, попался намъ такой человѣкъ, который зналъ домъ нашего благодѣтеля и привелъ насъ въ оный.

Боже мой! Какое зрѣлище! Увидѣлъ я жену мою, коя, смотря на меня, изнуреннаго отъ снѣдаемой печали, совершенно перемѣнившагося, спрашивала меня о своей родительницѣ, о домѣ и имѣніи. Я же, на вопросы ея никакого не дая отвѣта, спрашивалъ: живы ли малолѣтнія мои дѣти? И вдругъ она по-

---

[1]) Ольденбургскаго.
[2]) Нижній-Новгородъ.

бѣжала въ комнаты и, не допуская меня, по причинѣ скорости своей, войти въ оныя, вынесла мнѣ моего сына. О! Да умолкнетъ здѣсь языкъ мой! Не въ состояніи я теперь описать ту радость, кою я чувствовалъ отъ чрезвычайной радости. Увидя моего малолѣтняго сына, держа его на рукахъ въ безпамятствѣ, забылъ уже и о другихъ моихъ. Слышалъ голосъ, поражавшій меня жалостною рѣчью неоднократно: «Тятя!» Отъ сихъ, повторяемыхъ имъ, словъ весь я потрясался и заливался необычайно слезами, ласкалъ его, проливая слезы отъ радости; между тѣмъ мать принесла мнѣ маленькую дочь мою, и та утѣшила своею нѣжною улыбкою.

Боже Всемогущій! Твоя всесильная десница сохранила меня, жену и дѣтей моихъ отъ угрожавшей намъ погибели. Надѣюсь, Владыко мой, что не допустишь насъ скитаться и терпѣть нужду. Ты Сердцевѣдецъ, Ты дашь намъ отъ рукъ благотворителей пищу и продовольствіе! Вотъ, читатель мой, какою я былъ тогда наполненъ мыслію. Чрезъ два дня желанія мои и мысли во благихъ исполнились: нашелъ я благотворителя, кой, меня не видавши, прислалъ мнѣ 25 рублей. Вотъ какое Господь попеченіе прилагаетъ о несчастныхъ, лишенныхъ всего и насущнаго хлѣба! Нѣтъ ни одного несчастнаго плѣнника, котораго бы Онъ попралъ торжествующею Своею ногою; отъ самыхъ опасностей, влекущихъ за собою смерть, силенъ Онъ изъять. Примѣромъ сего я могу представить себя. Сколько со мною встрѣчалось опасностей, сколько видѣлъ я отъ непріятелей страховъ и ужасовъ, но Господь не попустилъ мнѣ погибнуть вѣчно! Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь предъ Нимъ, возсылая теплыя молитвы. Любезные читатели, прославьте вкупѣ и вы со мною Бога, живущаго на небесѣхъ! Любезные соотчичи, не щадите интереса своего, если видите къ тому удобный случай помочь ближнему, чрезъ что сами избѣгнете бѣдности, и никогда не будете упрекать совѣсть свою, которая насъ часто толкаетъ при встрѣчѣ съ несчастнымъ. Прошу васъ, не отлагайте дѣлать добро до утра и, если можно, тотчасъ помогайте! Тогда узрите лицомъ къ лицу Бога и истину.

Изъ „Былого и Думъ“ А. И. Герцена.

Живой и яркій разсказъ Герцена составляетъ прекрасный pendant къ дневнику «анонимнаго москвича»: онъ художественно рисуетъ положеніе части московскаго населенія, застигнутой врасплохъ приходомъ непріятеля. Въ центрѣ его—характерная фигура отца писателя, Яковлева, «умной ненужности», которому выпала неожиданная судьба — сдѣлаться парламентеромъ Наполеона.

— Вѣра Артамоновна, ну, разскажите мнѣ еще разокъ, какъ французы приходили въ Москву, — говаривалъ я, потягиваясь на своей кроваткѣ, обшитой холстиной, чтобы я не вывалился, и завертываясь въ стеганое одѣяло.

— И! Что это за разсказы, ужъ столько разъ слышали, да и почивать пора, лучше завтра пораньше встаньте,—отвѣчала